

© 2007 г. А. ГРЕНН, М. ФИЛЮШКИНА КРАВЕ

КОНКУРЕНЦИЯ ВИДОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАТУРЫ И АНАФОРИЧЕСКИЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Целью данной статьи является описание сущности конкуренции глагольных видов (совершенный vs. несовершенный) в русском языке. В частности, объясняется, каким образом совершенный вид (СВ) вступает в конкуренцию с двумя разновидностями общефактического несовершенного вида (НСВ) в прошедшем времени: с ассертивно-событийным и с пресуппозитивным НСВ. Выделены два фактора, которые играют ключевую роль в выборе вида: прагматическая импликатура и событийная пресуппозиция. Авторы заключают, что выбор говорящего в пользу НСВ происходит в тех случаях, когда значимость итогового состояния не является релевантной в контексте дискурса (первый фактор: прагматическая импликатура). Кроме того, утверждается, что только НСВ может использоваться в случае событийной анафоры: в целях экономии, НСВ, будучи немаркированным видом, может употребляться тогда, когда в контексте имеется его антецедент – завершённое действие (второй фактор: событийная пресуппозиция).

1. РЕФЕРЕНЦИЯ И КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТЬ

Как и существительные, глаголы представляют собой референтные выражения. Известно, что существительные в единственном числе могут обозначать как отдельные предметы (например, *корова, бутылка пива*), так и массу, которую эти предметы составляют (например, *говядина, пиво*). Аналогичным образом, глаголы могут обозначать и отдельные события (например, *написать письмо*), и «массу», состоящую из этих событий, т.е. процессы (например, *писать письма*). Германские языки характеризуются богатой системой детерминативов и в связи с этим референциально ориентированы на существительное (как например, в английском: *beer – a beer – the beer* и т.п.). Славянские языки, наоборот, имеют развитую видовую систему и ориентированы на глагол [Парти 1997], т.е. установление референции происходит через глагольную форму (в частности, выбор глагольного вида влияет на интерпретацию не только глагола, но и его дополнения).

В формальной семантике (в англоязычной лингвистической литературе термин «формальная грамматика» утвердился за теоретико-модельной логической семантикой, выросшей из грамматики Монтегю) обсуждается вопрос о том, каким образом семантические операторы – с выраженными или невыраженными морфо-синтаксическими признаками – могут перенести свои аргументы из сферы отдельных предметов (в случае, если изначальный денотат данного выражения находится в этой сфере) в сферу массы и наоборот. Подобные операторы обнаруживаются в видовой системе славянских языков. Например, в выражениях типа *есть говядину* как глагол, так и дополнение обозначают гомогенные сущности – «массу», и глагольная группа как целое тоже гомогенна, т.е. ее денотат относится к сфере процессов. Однако оператор совершенного вида превращает это выражение в отдельное гетерогенное событие (*съесть говядину*), возможно, осуществляя при этом и скрытую трансформацию дополнения. Оператор вторичной имперфективации способен снова вернуть глагольной группе функцию несовершенного вида таким образом, что она снова окажется в гомогенной сфере: сочетание *съедать говядину* имеет скорее итеративное значение.

Некоторые выражения легко переходят из одной сферы в другую: например, *пиво* является именем массы и обладает свойством кумулятивности – «некоторая порция пива» + «другая порция пива» = «пиво». Однако порции пива могут исчисляться и как отдельные единицы. В предложении *Ваня заказал четыре пива* скрытый оператор превратил существительное *пиво* в исчисляемое, так что теперь оно может служить в качестве аргумента количественного выражения *четыре*. Нечто подобное происходит в славянских языках и в глагольной сфере. Процесс, обозначаемый выражением *писать письмо*, может в определенных контекстах концептуализироваться как процесс, достигший своего внутреннего предела: в результате процесса писания существует письмо. В таком случае глагольная группа уже не обладает гомогенным значением¹. Но тогда возникает вопрос: каковы различия между предельным (гетерогенным) *писать письмо* и подобным ему выражением в совершенном виде *написать письмо*. Именно в этом и состоит так называемая конкуренция видов.

2. БЛОКИРОВКА, РАЗБЛОКИРОВКА И ЭКОНОМИЯ

Скрытые функции, переводящие предметы из одной сферы в другую, могут блокироваться наличием идиоматичного выражения для данного значения – это так называемая **б л о к и р о в к а** (англ. *blocking*). Например, если к исчисляемому существительному *корова* применить морфо-синтаксически не выраженную функцию *m* («масса»), то получится выражение, *корова_m*, которое должно обозначать *вещество, из которого состоят коровы*. Однако если под выражением *вещество, из которого состоят коровы*, мы имеем в виду *мясо коровы*, то правильнее будет употребить идиоматический термин *говядина*, блокирующий существование выражения *корова_m*. По аналогии, говоря о завершенном процессе написания письма как об отдельном событии, мы обычно отдаем предпочтение маркированному, идиоматичному совершенному виду (*написать письмо*) перед скрытым оператором событийности (перфективации), примененным к выражению с процессным значением *писать письмо*.

Наряду с блокировкой, существуют и интересные случаи **р а з б л о к и р о в к и** (англ. *deblocking*) как среди существительных, так и среди глаголов. Используя немаркированное выражение вместо более идиоматичной маркированной формы, говорящий имеет возможность передать дополнительную информацию. Ниже приводятся пример (1), известный из литературы по лексической семантике, и пример (2), демонстрирующий употребление несовершенного вида в двунаправленном значении:

(1) *Индусы не едят корову.*

(2) *Кто включал (НСВ) плиту?* (контекст: в данный момент плита выключена, но она по-прежнему горячая, так как кто-то ее включал).

Мы считаем, что *корова* в (1) и *включал* в (2) приобретают более конкретную интерпретацию за счет конкуренции с более эксплицитными альтернативными выражениями: *говядина* и *включил*. Употребление слова *корова* в (1) побуждает слушателя заключить, что говорящий ссылается на мясо коровы с религиозной точки зрения, а во втором примере говорящий употребляет глагол именно несовершенного вида с тем, чтобы пере-

¹ В западной лингвистике существует и другой подход к изучению референциальности и композициональности в области глагольного вида. Согласно этой концепции славянский вид трактуется как семантический оператор, который преобразует глагольную группу, имеющую денотатом множество событий (англ. *events*), в предикат, заданный на временных интервалах, который, в свою очередь, служит аргументом для оператора времени [Goepp 2004]. Таким образом, вырисовывается взаимосвязь между категориями вида и времени с композициональной точки зрения. В данной статье, мы, для простоты, придерживаемся более традиционной позиции, поскольку мы ограничиваемся вопросами, которые лишь в незначительной степени касаются категории времени и сочетания вида с временными наречиями.

дать информацию о том, что за действием включения следовало обратное действие, а именно – выключения плиты. Подобные случаи разблокировки немаркированного выражения порождают особые прагматические и м п л и к а т у р ы.

Существуют и другие контексты, в которых для передачи отдельных событий предпочтение отдается несовершенному виду, т.е. в конкуренции видов побеждает несовершенный вид.

(3) А. Тебя неплохо подстригли (СВ).

Б. Спасибо.

А. Кто подстригал? (НСВ) vs. (??) Кто подстриг? (СВ)

В последней строке примера (3) употребление НСВ является более экономичным выбором. Являясь немаркированным видом, НСВ может употребляться для указания на завершенные события в контекстах, обеспечивающих однозначное прочтение. Поскольку из первого предложения собеседника А известно, что собеседник Б был подстрижен (т.е. есть основания для пресуппозиции), то вместо маркированного совершенного вида во втором высказывании говорящего А более экономно будет использовать немаркированный НСВ. Параллельным примером из номинальной сферы может быть пример (4):

(4) А. Ты бы предпочел кофе или бутылку «Балтики»?

Б. Я, пожалуй, возьму пиво.

Термин *пиво* – более общий по сравнению с *бутылка Балтики*, но в определенных контекстах они могут быть референциально тождественны, и говорящий вправе предпочесть первый термин (более общий, немаркированный), руководствуясь правилом экономии.

Подведем небольшой итог. При указании на завершенные события в прошлом ожидается, что несовершенный вид будет проигрывать в конкуренции с совершенным видом, который четко обозначает отдельное законченное событие. Однако существует два типа ситуаций, которые обуславливают употребление НСВ. Во-первых, НСВ выигрывает конкуренцию с СВ в особых контекстах разблокировки, ведущих к прагматическим импликатурам (пример (2)), а во-вторых, – в контекстах, где СВ и НСВ референциально тождественны, но НСВ является более экономичным выбором (пример (3)).

Эти две функции общефактического значения НСВ напоминают предложенное Е.В. Падучевой [Падучева 1996] разделение общефактического значения на общефактическое экзистенциальное и общефактическое акциональное – разделение, которое было изначально упомянуто в [Forsyth 1970] и более подробно рассмотрено в [Groen 2004]. Гренн предложил новый анализ акционального значения НСВ в рамках анафорических пресуппозиций; отсюда и новый термин – пресуппозитивный НСВ. Для наглядности назовем общефактическое экзистенциальное значение НСВ *ассертивно-событийным*. Оба значения будут рассмотрены ниже.

3. АССЕРТИВНО-СОБЫТИЙНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НСВ В СВЕТЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ИМПЛИКАТУР

Употребления несовершенного вида в примерах, подобных (5), всегда привлекали внимание лингвистов-аспектологов²:

² Е.В. Падучева приводит следующий набор семантических компонентов, характеризующих общефактическое экзистенциальное (здесь: ассертивно-событийное) значение НСВ: экзистенциальное коммуникативное членение, результативность, разобщенность действия с моментом речи, кратность, неопределенность времени завершения, ретроспективная точка отсчета [Падучева 1996: 43].

(5) *Ваня читал* (НСВ) «Войну и мир».

Мы считаем, что для полного понимания таких случаев необходимо учитывать жесткую конкуренцию, в которую несовершенный вид вступает по отношению к совершенному виду – маркированной форме для указания на завершённые события. Если событие завершено и достигло своего внутреннего предела, то как правило присутствует и какой-то результат этого события. Поэтому совершенный вид обычно ассоциируется с результирующим состоянием события. Важно заметить, что несмотря на то, что немаркированный несовершенный вид может использоваться для указания на завершённые события, он **никогда** не ассоциируется с состоянием, возникшим в результате его наступления. Таким образом, в силу конкуренции с СВ, в семантике НСВ появляется ярко выраженная прагматическая импликатура. Лексическая семантика глагола определяет степень выраженности этой прагматической импликации. Ниже речь пойдет о двух подвидах асертивно-событийного (экзистенциального) значения НСВ.

3 А. Первый тип асертивно-событийного НСВ

К первому типу относятся обычные предельные глаголы (например, *читать* <«Войну и мир»>). В форме СВ такие глаголы выражают релевантность/актуальность события в настоящий момент. В форме НСВ эти глаголы передают информацию о том, что событие когда-то имело место; при этом неважно, когда именно и какие последствия оно повлекло за собой (более подробно см. [Падучева 1996; Groenn 2004]).

3 Б. Второй случай асертивно-событийного НСВ

Некоторые предельные глагольные группы характеризуются наличием семантически значимого итогового состояния, которое является частью их внутреннего лексического значения. Например, в глагольной группе *зачитать книгу до дыр* итоговое состояние книги является физически, концептуально и лингвистически более ярким, чем состояние, передаваемое выражением *прочитать книгу*. В задачу данной статьи входит установление различий между этими состояниями, в связи с чем назовем второе состояние – *книга прочитана* – тривиальным итоговым состоянием (итог_Т), а первое состояние (*книга зачитана до дыр*) – лексикализированным итоговым состоянием (итог_Л).

Далее, внутри группы предикатов итогового состояния типа итог_Л можно различить 2 подтипа: перманентные итоговые состояния и обратимые итоговые состояния (например, итоговое состояние открытого окна может быть легко изменено, если окно закрыть). Итоговое состояние книги, зачитанной до дыр, относится к перманентному типу. Это состояние необратимо. Если книга была зачитана до дыр, то таковой она (как правило) и останется. Свойство четко обозначенного перманентного результата характерно для глаголов создания и разрушения. Эти глаголы обычно используются при передаче завершённого события в форме СВ, например:

(6) *Толстой написал* (СВ) «Войну и мир».

Такие переходные глаголы создания, как *написать, построить, нарисовать*, обозначают события, которые приводят к существованию нового, уникального объекта (обозначаемого именной группой дополнения). Этот объект может быть вполне абстрактным, как, например, какое-то произведение Толстого. Будучи результатом интеллектуального или творческого труда, объект никогда не перестанет существовать. Несмотря на тот факт, что физически рукопись «Войны и мира» может быть уничтожена, книга всегда будет существовать как предмет искусства во все времена, следующие за событием ее написания.

Другие глаголы, поведение которых в видовой конкуренции похоже на поведение глаголов создания, представлены в парах: *открыть* – *открывать Америку*, *доказать* – *доказывать теорему Ферма* и т.д. (см. похожие примеры в [Israeli 1996] и в [Падучева 1996]). Противоположные состояния передаются глаголами «разрушения»: *есть* – *съесть яблоко*, *разрушить* – *разрушать Атлантиду*, *убить* – *убивать Кирова*. Глаголы разрушения выделяют не начало существования предмета, обозначенного дополнением, а конец его существования³.

Ко второму подтипу предикатов состояния итог_L относятся предикаты *о б р а т и м о г о* *итогового* *состояния*. Поскольку итоговые состояния типа итог_L соответствуют лексической семантике определенных единиц, а не просто являются частью нашего знания о мире, их наличие обычно можно подвергнуть проверке с помощью обстоятельств времени. Обратимые итоговые состояния особенно хорошо поддаются такой проверке. Одним из наиболее интересных диагностических тестов является тест с обстоятельством «на время X», который измеряет временной отрезок итогового состояния. Сравним глаголы в примерах (7–9), обозначающие итоговые состояния (итог_L) с примером (10), где глагол связан лишь с состоянием типа итог_T :

(7) *Купец открыл* (СВ) *магазин на два часа*.

(8) *Муж зашел* (СВ) *домой на 10 минут*.

(9) *Депутаты получили* (СВ) *вчера на два часа эфир РТР*.

vs.

(10) **Иван Петрович посмотрел* (СВ) *фильм на два часа*.

Другим диагностическим тестом, указывающим на наличие или отсутствие состояния итог_L , является сочетаемость глаголов со словом *опять*. Если предложение, содержащее слова *опять*, *снова*, *вновь* и т.п., является двусмысленным, т.е. может пониматься и в репетитивном (повторительном), и в реститутивном (восстановительном) значении, то предикат имеет итоговое состояние итог_L , например:

(11) *Паша опять открыл* (СВ) *окно*.

Вне контекста данное высказывание имеет два смысла. А именно: при репетитивном прочтении предложение (11) означает, что и в предыдущий раз Паша открывал окно. Реститутивное же прочтение является менее эксплицитным в отношении наличия агенса. В этом случае *опять* относится непосредственно к итоговому состоянию (*окно открыто*). Таким образом, мы можем лишь заключить, что окно уже было открыто (итог_L) в какой-то предшествующий момент, но агенсом действия мог быть кто угодно другой (а не обязательно Паша)⁴. Например:

(12) *Ваня закрыл* (СВ) *окно. Паша опять его открыл* (СВ).

Опять в примере (12) позволяет сделать вывод, что итоговое состояние события открывания окна – т.е. состояние открытого окна – уже имело место ранее⁵.

³ В некоторых предыдущих подходах к конкуренции видов предпочтение форме совершенного вида в контексте глаголов этого типа связывалось с критерием единичности [Israeli 1996; Dickey 2000]. Вместо этого мы предлагаем объяснение тех же примеров, исходя из свойства перманентного итогового состояния, из которого косвенно следует единичность.

⁴ Эта неоднозначность подробно описана в [Падучева 2004: 510–511].

⁵ Сравните пример (12) с употреблением простого предельного глагола с состоянием итог_T . *Паша опять прочитал* (СВ) *«Войну и мир»*. Данное предложение означает, что Паша прочитал роман хотя бы два раза. В этом примере отсутствует двусмысленность слова *опять*, так как оно может указывать только на повтор всего действия, а не итогового состояния.

Итак, каким образом ассертивно-событийный НСВ вписывается в картину, возникающую из представленного выше анализа лексических свойств предикатов?

Ассертивно-событийный НСВ может употребляться в контексте глаголов обратимого итогового состояния при условии, что имела место отмена состояния. Отмена состояния итог_L , выражаемая глаголом НСВ, связана со свойством *разобщенности* [Падучева 1996]. Эта сильная прагматическая импликация возникает из-за конкуренции с совершенным видом, так как для СВ характерно сохранение итогового состояния. Что касается глаголов, выражающих перманентные итоговые состояния, то употребление ассертивно-событийного НСВ с такими глаголами невозможно. Перманентное итоговое состояние необратимо, поэтому нельзя ожидать, что НСВ его отменит. Эти глаголы могут употребляться только в пресуппозитивном значении общефактического НСВ.

С точки зрения прагматики, глаголы обратимого итогового состояния создают чисто привативную оппозицию совершенного и несовершенного вида. В форме НСВ они составляют как раз ту группу глаголов, которые могут иметь *двунаправленное значение*. Поэтому вполне естественно, что глаголы НСВ двунаправленного значения сочетаются с обстоятельствами времени «на время X», которые измеряют временную емкость состояния итог_L : см. примеры (7–9) с глаголами СВ, а также пример (13) с НСВ:

(13) *Он просыпался* (НСВ) *минут на пять* [Forsyth 1970].

4. НЕМАРКИРОВАННЫЙ НСВ В РОЛИ СОБЫТИЙНОГО АНАФОРА

Речь говорящего характеризуется стремлением к экономности. Грайс и другие философы языка замечают, что говорящий старается передать ту или иную информацию с наименьшей затратой усилий. Одним из важнейших приемов экономии при передаче информации в языке являются анафорические выражения (анафоры), прежде всего, – местоимения. Мы считаем, что в одном из своих значений НСВ, будучи немаркированным видом, также выполняет роль анафора. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо учесть, что анафора и пресуппозиция тесно связаны между собой. Анафорические выражения могут употребляться, когда в заданном контексте имеется подходящий антецедент (например, местоимение *он* уместно, если в контексте есть выражение *молодой человек*). Пресуппозиция может считаться анафорой, обогащенным дополнительным дескриптивным содержанием [van der Sandt 1992]. Когда говорящий спрашивает *Вы бросили курить?*, он тем самым предполагает, что его собеседник был курящим. Такой вопрос оправдан только в том случае, если он употреблен в контексте общего фонда знаний говорящего и слушающего, из которого следует, что слушатель действительно был курящим.

Несовершенный вид может предполагать существование завершенного события или точнее: использование несовершенного вида оправдано, если в заданном контексте указан его антецедент – завершенное действие. Следующий хрестоматийный пример (14) из [Forsyth 1970] показывает правильность этого утверждения:

(14) *В этой портерной я написал* (СВ) *первое любовное письмо к Вере.*
Писал (НСВ) *карандашом* (А.П. Чехов).

Во втором предложении в фокусе не событие как таковое, а один из его участников (здесь – инструмент). Именно здесь в ход вступает пресуппозитивный НСВ: это ситуация, «когда внимание говорящего направлено на то, где, когда, зачем, кто совершал действие» [Рассудова 1968: 75]. Апеллируя к примеру (14), в эту формулировку можно добавить еще и *как*. Опираясь на славянскую лингвистическую традицию, М.Я. Гловинская предлагает интерпретацию таких примеров с использованием понятий тема-рема:

глагол в пресуппозитивном значении является тематическим, в то время как агент (или другая тематическая роль – например, инструмент) относится к реме⁶.

Исходя из традиционной концепции актуального членения Пражской школы, последнее предложение в примере (14) можно разделить на две части: тема (*писал*) и рема (*карандашом*), где тема передает уже известную, данную в контексте информацию, в то время как ремой представлена новая информация⁷.

Итак, базовую структуру высказывания можно представить в виде упорядоченной пары <Тема, Рема>. Для анализа примеров, обсуждаемых в данной статье, мы предлагаем рассматривать пару <Тема, Рема> как эквивалентную паре <Пресуппозиция, Ассерция>. Тогда структура предложения (14) будет выглядеть как (14'):

- (14') <Пресуппозиция: *имело место событие написания мной письма Вере*,
Ассерция: *событие осуществилось (с помощью инструмента) карандашом*>

С нашей точки зрения, употребление НСВ в (14) объясняется стремлением говорящего к передаче информации наиболее экономичным способом. А именно, пресуппозиция здесь используется в анафорической функции. В свете предполагаемой связи между пресуппозицией и анафорой следует сделать следующее уточнение.

Событийная пресуппозиция требует событийного антецедента. При этом возможны два способа убедиться в существовании события в заданном контексте (два способа установить кореференцию):

- (а) контекст содержит языковую информацию, достаточную для установления факта существования события (например, *написал* в (14));
- (б) контекст позволяет допустить существование события. В этом случае говорящий, используя пресуппозицию, «дает инструкцию» слушателю *добавить* некоторую информацию к заданному контексту (в западной лингвистике это явление называется приспособлением, аккомодацией – англ. accommodation) таким образом, чтобы стало возможным установление антецедента для всего события целиком. Информация, необходимая для аккомодации, должна быть легко доступной, правдоподобной и не должна противоречить общему фонду знаний (англ. common ground), разделяемому говорящим и слушающим.

Так, событийно-экзистенциальная пресуппозиция общефактического НСВ предполагает наличие референтной связи между событием пресуппозиции и некоторым антецедентом. Однако если установить антецедент исходя из одного только языкового контекста невозможно, пресуппозицию можно *приспособить*. Определение (б) применяется в примере (15):

- (15) – *Ваня, это ты открывал* (НСВ) *дверь грязными руками?* – спрашивает мать.

Даже если в реальной ситуации дверь в момент речи не открыта, Ваня легко может себе представить, что раньше она была открыта. Для успешного осуществления аккомодации нужно, чтобы добавленная информация казалась вероятной в заданной ситуации

⁶ В заключении к разделу об общефактическом значении НСВ и актуальном членении предложения М.Я. Гловинская призывает аспектологов к более глубокому изучению этой проблемы [Гловинская 2001], что и является целью данной статьи; см. также [Groen 2004].

⁷ Как уже говорилось выше, Е.В. Падучева [Падучева 1996] использует термин «акциональное значение НСВ». Однако ее анализ предполагает, что только роль агента может быть рематической (фокусированной, ассертивной) в данном употреблении НСВ. Такой анализ не является всеохватывающим и, в частности, не объясняет такие случаи, как в примере (14), где рематическую роль играет инструмент (способ) действия, а не его исполнитель.

дискурса (как в примере 15) – так, чтобы не требовалось слишком больших усилий со стороны слушателя.

В заключение этой части анализа приведем пример, иллюстрирующий разделение труда между ориентированным на ассерцию СВ и пресуппозитивным НСВ.

(16) *Внезапно ей стало (СВ) плохо, сказала (СВ): «Это конец». Вызвали (СВ) неотложную, отвезли (СВ) в больницу, но поздно – умерла (СВ) на другой день. Тут в воспоминаниях пробел. Кто звонил (НСВ), распоряжался (НСВ), заказывал (НСВ) машину? Кто его самого отвез (СВ) в город? Полная неясность, память черна (из Упсальского корпуса русских текстов).*

В примере (16) разделение труда между СВ и НСВ четко обозначено: СВ используется в статусе ассерции – для введения в рассказ новых событий: *стало плохо, сказала, вызвали неотложную, отвезли в больницу, умерла*. Затем следуют три глагола в форме НСВ, имеющие пресуппозитивную интерпретацию. Употребление этих форм, с их событийной пресуппозицией, оправдано в данном контексте, который содержит завершенные события – антецеденты. Рассмотрим, например, сочетание *заказывал машину*. Этому сочетанию предшествует контекст, который уже содержит информацию о том, что была вызвана скорая помощь (*вызвали неотложную*). Поэтому слушатель может легко найти антецедент для анафоры, заключенной в глаголе НСВ *заказывал*.

Далее, после трех глаголов НСВ снова используется глагол СВ: *отвез его самого в город*. Причиной смены вида в данном случае является тот факт, что *отвез* выражает новую информацию. В контексте высказывания нет антецедента, с которым можно было бы отождествить событие *отвоз говорящего в город*.

5. ПОГРАНИЧНЫЕ СЛУЧАИ

На примере (16) мы показали, каким образом предложенный анализ семантики видов объясняет, почему в некоторых высказываниях для событийной референции можно использовать только один из двух глагольных видов. Однако существует множество пограничных случаев, где допустимы оба вида. Как объяснить выбор вида в подобных высказываниях? Нельзя не признать, что говорящий имеет свободу выбора: вместо пресуппозитивного НСВ он может представить событие на ассертивном уровне (т.е. употребить совершенный вид глагола), даже если существует возможность разрешения пресуппозиции (установления антецедента). Например, совершенный и несовершенный вид взаимозаменяемы в следующем примере:

(17) *Прошлой весной Павлу удалось сдать экзамен по вычислительной лингвистике. Несмотря на сложность материала, он сдал (СВ) / сдавал (НСВ) этот экзамен экстерном.*

Противники подхода, описанного выше (предполагающего своего рода разделение труда между СВ и НСВ), могут возразить, что и в том случае, если в контексте есть информация о существовании события, может использоваться совершенный вид. Однако подобные примеры не свидетельствуют о том, что СВ вводит в высказывание экзистенциальную пресуппозицию. Пресуппозитивный НСВ (*сдавал*) в примере (17) является естественным и ожидаемым выбором, если исходить из принципа экономии. Употребляя СВ (*сдал*) в речевой ситуации примера (17), говорящий предпочитает «заново ввести в дискурс тему высказывания – с тем, чтобы вновь обратить внимание собеседника на факты» [Forsyth 1970].

По мнению Х.Р. Мелига [Мелиг 2002], функция глагола СВ (такого как *сдал* в примере (17)) заключается в том, чтобы вновь идентифицировать какое-то событие. На наш взгляд, использование форм СВ или НСВ в подобных случаях можно сравнить с употреблением имен собственных и местоимений. Предпочтение отдается местоимению,

если в контексте высказывания имеется его антецедент. При этом сохраняется возможность использования имени собственного при референции к человеку, несмотря на то, что его имя уже упомянуто в предыдущем контексте.

Итак, наш подход (предполагающий членение глагола с его актантами на ассерцию и пресуппозицию), способен объяснить целый ряд загадочных примеров видовой конкуренции, обсуждаемых в аспектологии. В то же время необходимо подчеркнуть, что присутствие в дискурсе условий, необходимых для возникновения пресуппозиции, не означает, что она *должна* эксплуатироваться; выбор между использованием (с НСВ) и неиспользованием (с СВ) пресуппозиции имеет коммуникативную значимость.

В разделе 2 мы уже рассматривали пример, в котором разделение предложения на ассерцию и событийную пресуппозицию «заставляет» говорящего сделать однозначный выбор в пользу НСВ:

(3) А. Тебя неплохо *подстригли* (СВ).

Б. Спасибо.

А. Кто *подстригал*? (НСВ) vs. (??) Кто *подстриг*? (СВ)

Пример (3) подтверждает справедливость нашего предположения о том, что СВ не является пресуппозитивным (т.е. не может выступать в роли анафора), и этим отличается от пресуппозитивного НСВ. Смысл примера (3) прозрачен благодаря тому, что анафор располагается в непосредственной близости к антецеденту. Чем больше расстояние между двумя глаголами, тем меньше вероятность того, что существование события может быть выведено из контекста – так, чтобы первый глагол мог играть роль антецедента. Соответственно, повышаются шансы у СВ. В отношении примера (3) стоит также заметить, что при добавлении *так великолепно* во втором высказывании собеседника А глагол в форме СВ звучит более уместно:

(3') – Кто тебя так великолепно *подстриг* (СВ)?

Это происходит, по-видимому, благодаря тому, что наречие переносит фокус высказывания с агенса на глагол, тем самым подчеркивая результат события и перенося событие в ассертивную часть дискурса.

6. ПРЕСУПОЗИЦИЯ VS. ИМПЛИКАТУРА И СТАТУС СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Выше мы приводили аргументы в пользу того, что общефактический НСВ порождает особые прагматические импликатуры (ассертивно-событийный НСВ) и анафорические событийные пресуппозиции (пресуппозитивный НСВ). Отсюда следует, что благодаря жесткой конкуренции НСВ с маркированным СВ последний является непресуппозитивным, а точнее – *ассертивным*.

С точки зрения традиционной русской аспектологии, предложенная здесь концепция может вызвать следующие два вопроса:

- (i) Какова разница между пресуппозициями и импликатурами?
- (ii) Может ли семантика СВ заключать в себе пресуппозиции?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Понятия импликатуры и пресуппозиции необходимо, разумеется, различать (см., в частности [Падучева 2 004]). Рассмотрим следующий пример:

(18) Таня три часа *убирала* (НСВ) дом после вечеринки. *Убирала* (НСВ), но не *убрала* (СВ).

Поведение СВ под отрицанием в примере (18) заслуживает внимания, так как здесь возможна интерпретация, при которой отрицается только кульминация события, но не подготовительный процесс, предшествующий этой кульминации.

Примеры, подобные (18), привели многих лингвистов-славистов к мнению о том, что подготовительный процесс не обязательно включен в семантику совершенного вида: СВ всего лишь заключает в своей семантике пресуппозицию существования такого процесса. Мы предлагаем несколько аргументов, свидетельствующих против наделения совершенного вида таким пресуппозитивным значением.

Почему подготовительный процесс не входит в сферу действия отрицания в примере (18)? Ключевым моментом в рассмотрении этого вопроса является разделение труда между совершенным и несовершенным видами. Предположим, что исходным выбором говорящего для отрицания существования всего события является НСВ (как немаркированный вид по сравнению с маркированным совершенным видом). Тогда вполне естественным оказывается использование совершенного вида для отрицания лишь кульминации этого события. Речь идет всего-навсего о прагматической имплицатуре, а точнее, о прагматическом усилении.

В соответствии с количественной максимой Грайса, если говорящий употребляет под отрицанием маркированный совершенный вид, слушатель придет к пониманию того, что говорящий желает передать с помощью этого СВ какой-то особый смысл. Если бы существовала возможность отрицания всего события в целом, то более экономичным в данной ситуации было бы использование НСВ. Таким образом, сталкиваясь, в примере (18), с СВ под отрицанием, слушатель может заключить, что имела место некая попытка или действие со стороны агенса, которое не достигло кульминации. Иными словами, под отрицание попадает только достижение кульминации. На наш взгляд, такой анализ видового выбора в примерах типа (18) более оправдан по сравнению с традиционным пресуппозитивным подходом.

Тест на отрицание не является сам по себе достаточным аргументом в пользу пресуппозитивного анализа СВ. В случае наличия пресуппозиции предполагается, что участники дискурса должны допустить ее истинность (или приспособить ее) – при условии, что она не входит в сферу действия какого-то особого оператора, блокирующего проекцию. Однако в обычных утвердительных предложениях СВ не несет никаких признаков такой пресуппозиции. Отсюда разница между примерами (19) и (20) [Падучева 1996], которую невозможно объяснить с помощью пресуппозитивного подхода:

(19) *Я вызвал (СВ) такси.*

(20) *Я не вызвал (СВ) такси.*

В первом случае нет оснований предполагать существование пресуппозиции подготовительного процесса события. Это свидетельствует о том, что имплицатуру существования подготовительного процесса, с которой мы имеем дело в примере (20), стоит рассматривать не в качестве семантической пресуппозиции, а как прагматический (и неустойчивый) феномен.

В трудах по аспектологии имеются два пресуппозитивных подхода к совершенному виду. В соответствии с первым подходом, обсуждавшимся нами выше, подготовительный процесс (предшествующий событию наступления нового состояния) является информацией, заданной контекстом, а кульминация события имеет ассертивный статус (т.е. это новая информация). По второй концепции, идея пресуппозитивного СВ базируется на наблюдении о том, что СВ употребляется в контекстах, где предполагается, что событие имело место. Рассмотрим следующий пример:

(21) *Игорь принял (СВ) лекарство?* (из [Рассудова 1968]).

Анализируя данный пример, О.П. Рассудова утверждает, что, употребляя совершенный вид, говорящий предполагает, что действие должно было совершиться. Однако из того, что наступление события предполагается, не следует, что оно имело место. Такое заключение неверно с логической точки зрения, поэтому речь не может идти о семантической событийной пресуппозиции.

С.М. Дикки [Dickey 2000: 95] даже высказывает следующую мысль: «Общезначимый НСВ сигнализирует отсутствие пресуппозиций в знании, которое разделяют участники дискурса; он только утверждает, что некая ситуация вообще имела место, без указания на какую-либо дополнительную контекстуальную информацию» (перевод авторов). Однако очевидно, что утверждение об «отсутствии пресуппозиций» не согласуется с такими высказываниями, как (14). Более того, так называемый «пресуппозитивный» эффект СВ в ссылке на ситуацию, которая по предположению должна была произойти, нельзя принимать за анафорическую отсылку к действительно произошедшему событию, т.е. за то, что можно назвать *экзистенциальной пресуппозицией*.

Основываясь на вышеизложенных аргументах, мы предлагаем оставить пресуппозитивный подход для анализа *пресуппозитивного НСВ*.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В таблице 1 представлена видовая конкуренция (разделение труда между СВ и НСВ) в прошедшем времени:

Таблица 1

Видовая конкуренция

	СВ	НСВ
1. Импликатура	Значимость итогового состояния	Нерелевантность (отмена) итогового состояния
2. Пресуппозиция	∅	Событийная пресуппозиция

Рассмотренные нами два случая конкуренции видов независимы друг от друга; т.е. импликатуры, связанные с итоговым состоянием/отменой итогового состояния, не релевантны для контекстов событийной пресуппозиции. Однако для объяснения отдельных случаев видового выбора могут понадобиться оба параметра. В связи с этим обратимся к примеру (22), где несовершенный вид исключен:

(22) А. *Надо выключить* (СВ) свет в прихожей.

Б. *Я его уже выключил* (СВ). vs. **Я его уже выключал* (НСВ) (из [Мелиг 1997]).

Аспектологи пока что не сумели объяснить, почему в данном примере невозможен несовершенный вид⁸. Полный анализ этого примера должен объяснить, (i) почему в данном случае заблокирована ассертивно-событийная интерпретация НСВ и (ii) почему пресуппозитивная интерпретация также невозможна.

(i) Ответом на вопрос, почему в примере (22) *выключал* не приобретает ассертивно-событийного значения, является конкуренция видов, возникающая по отношению к параметру релевантности итогового состояния типа итог_L. Глагол *выключать* является обратимым – его лексическое значение допускает возможность обратного действия (*включать*). Однако, как было замечено выше (см. раздел 3В), ассертивно-событийный НСВ может употребляться с глаголами обратимого итогового состояния только в том случае, если возврат итогового состояния действительно имел место. Если говорящий Б раньше уже выключал и снова включил свет (возврат итогового состояния – *Я его уже*

⁸ Обсуждая данный пример, мы не исключаем существования особых контекстов, при которых НСВ возможен; например, допустим, что какой-то предмет можно увидеть только в темноте; А предлагает выключить свет, но Б это уже делал, и все равно объект остался невидимым.

выключал), то подобный ответ не является адекватной реакцией на призыв А выключить свет, так как означает, что свет по-прежнему включен.

(ii) Несовершенный вид в примере (22) не может употребляться также и в анафорическом значении. Ограничение на употребление пресуппозитивного НСВ в (22) следует из того факта, что событие (выключение света) входит в сферу действия модального оператора *надо*, поэтому его существование не следует из предыдущего контекста. Аккомодация существования события также невозможна: из речевого акта говорящего А видно, что он не знает об осуществлении данного действия. Поэтому было бы нелогично со стороны говорящего Б пытаться заставить говорящего А принять (аккомодировать) существование такого события. Таким образом, глагол, передающий событие в ответе говорящего Б принадлежит к асертивной части предложения и должен быть в форме совершенного вида⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Мелиг 1997 – Х.Р. Мелиг. Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте // Семантика и структура славянского вида II / С. Кароляк (ред.). Краков, 1997.
- Мелиг 2002 – Х.Р. Мелиг. Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте. Употребление видов в вопросах с местоимением *кто* // Основные проблемы русской аспектологии. С.-Петербург, 2002.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантика времени и вида в русском языке. М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Парти 1997 – Б.Х. Парти. Вид и интерпретация именных групп // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 3. М., 1997.
- Рассудова 1968 – О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1968 (ср. издание 1984).
- Dickey 2000 – S.M. Dickey. Parameters of Slavic aspect. Stanford, 2000.
- Forsyth 1970 – J. Forsyth. A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Grice 1989 – P. Grice. Studies in the way of words. Cambridge (Mass.), 1989.
- Groenn 2004 – A. Groenn. The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective // Acta Humaniora. 199. Oslo, 2004.
- Israeli 1996 – A. Israeli. Discourse analysis of Russian aspect: accent on creativity // Journal of Slavic linguistics. 1996. 4 (1).
- van der Sandt 1992 – R.A. van der Sandt. Presupposition projection as anaphora resolution // Journal of semantics. 9. 1992.

⁹ В заключение мы хотим выразить нашу признательность рецензенту журнала «Вопросы языкознания», а также Николаю Вазову за ценные комментарии и поправки к данной статье.